

Стоит отметить, что публикуемый автограф — единственный случай дарственной надписи Достоевского на фотографии работы Лауфферта (в отличие от многочисленных дарственных писателя на фотографиях работы Досса и Шапиро), а также — самый ранний из известных по времени (за исключением дарственной на фотографии, подаренной А. И. Герцену 8/20 июля 1862 года, которая сейчас хранится в частном архиве в США). Фотография обнаружена мною в фонде А. Ф. Достоевского (внука писателя) в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Можно с большой степенью вероятности предположить, что она попала в собрание А. Ф. Достоевского в 1933 году после смерти его бездетного двоюродного дяди Андрея Андреевича Достоевского (младшего сына А. М. Достоевского), на квартире которого в Ленинграде (Почтамтская ул., д. 5) внук писателя жил с 1930 года, приехав из Симферополя учиться в институте.

Пользуясь возможностью, выражаю глубокую благодарность Элеоноре Викторовне Альбинской за данное ею разрешение работать в фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ (СПб.), а также администрации и сотрудникам архива.

А. Ю. БАЛАКИН

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1

В рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» есть одно не проясненное комментаторами место. Разыскивая знакомую даму (как потом выясняется — свою жену), господин в еботах спрашивает молодого человека в бекеше о жильцах одного из домов, и между ними происходит следующий разговор:

«— Вы спрашиваете, кто здесь живет? (...) Здесь... я знаю, что здесь Софья Остафьевна тоже живет, — проговорил молодой человек шепотом и даже с каким-то соболезнованием.

(...)

— Я тотчас узнал от кухарки, что она сюда ходит; но вы не на то напали, то есть не к Софье Остафьевне... она с ней незнакома...

— Нет? ну, извините-с... (...) Но чем же я могу вам помочь?

— А вот-с; согласитесь, что посещать Софью Остафьевну... Впрочем, я еще не знаю наверно, куда пошла эта дама...» (2, 52).

Если не знать, кто такая Софья Остафьевна, то опасения господина в еботах и соболезнования молодого человека кажутся не слишком понятными. Однако диалог этот имеет совершенно конкретный смысл. Дело в том, что упоминаемая Софья Остафь-

евна — реальное лицо. Это была известная в свое время содержательница «увеселительного заведения», существовавшего с середины 1820-х годов. Ее имя упоминается в переписке Пушкина¹ и в черновом наброске начала «Пиковой дамы»: «Мы ⟨...⟩ ездили к С⟨офье⟩ А⟨стафьевне⟩ побесить бедную старуху притворной разборчивостию».² Колоритный портрет Софьи Остафьевны оставил В. Г. Белинский, писавший в 1839 году В. П. Боткину, что она «*mauvais genre*; но собою очень интересна — с усами и бородою — словно ведьма из „Макбета”».³ Знал Софью Остафьевну и И. А. Гончаров.⁴

Таким образом, волнения героя Достоевского становятся понятными: он опасается, не посещает ли его жена «дома свиданий». Заметим также, что молодой человек имя Софьи Остафьевны проговаривает «шепотом», видимо не желая произносить столь известное в определенном смысле имя вслух и таким образом скомпрометировать себя.

О том, что в этом рассказе упомянута известная пушкинистам Софья Остафьевна, писали и Б. Л. Модзалевский, и Н. О. Лернер,⁵ но в литературе о Достоевском их сообщения остались, к сожалению, неучтенными.

2

В статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника”» (1861) комментаторами не отмечена одна отсылка к Н. В. Гоголю. Во фразе «Блажен тот, который не думает, что к нему в рот будут готовые галушки падать!» (19, 173) явно содержится намек на сцену из гоголевской «Ночи перед Рождеством». Когда кузнец Вакула пришел к Пузатому Пацюку, то увидел, как тот сидел «на полу по-турецки перед небольшою кадушкою, на которой стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки». Затем на полу появились две миски: «Одна была наполнена варениками, другая сметаною. ⟨...⟩ Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснулся из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же

---

¹ Подробнее см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и переработ. Л., 1988. С. 415.

² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16-ти т. [М.; Л.], 1940. Т. 8. С. 834.

³ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1982. Т. 9. С. 290.

⁴ См. его письмо к И. И. Лиховскому от 13(25) июня 1857 г. (Лит. архив. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 100).

⁵ См.: *Пушкин А. С.* Письма / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 313; *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. [Л.], 1929. С. 133.

порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать».⁶

Достоевский, когда писал статью, видимо, уже точно не помнил, что именно и в каком порядке ел Пацюк, но сам способ ему запомнился.

3

В статье «Опять „Молодое перо”» (1863) есть резкий полемический выпад против Д. Д. Минаева, писавшего под псевдонимом «Обличительный поэт»: «Какой-нибудь „обличительный поэт” скитался по литературе, как какая-нибудь бессонная нимфа по берегу Пенея, а только что примкнул к казенной красноте в „Искре” и сделался великим человеком» (20, 94). Здесь Достоевский прямо цитирует первую строку стихотворения А. С. Пушкина «Рифма» (1830): «Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея...». Других случаев цитирования этого стихотворения в указателе к Полному собранию сочинений не отмечено.

4

Статья «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» (1863) содержит много прямых и замаскированных полемических выпадов против журнала «Искра». Большая часть намеков статьи прокомментирована в Полном собрании сочинений, однако, как нам кажется, некоторые положения комментария нуждаются в уточнении. Так, на одной странице среди обязательных тем «Искры» упоминается кукельван: «Уверяем вас, господа, что все, о чем вы ни заговорили, все это будет только Лев Камбек да кукельван» (20, 56). К этому месту дан следующий комментарий: «Кукельван, вернее кукольван, — растение. В. И. Даль пишет о его семени: „...идет в аптеки, а более известно как отраву на рыбу, которая делается от него бешенкою, верховодкою» (...). Это выражение как синоним верхоглядства и безответственности часто встречалось в журнальных статьях 1860-х годов (...» (20, 295). Дело же здесь не только в том, что кукельван употреблялся как символ «верхоглядства и безответственности»: в 1861 году на страницах столичной печати широко обсуждалось дело пивовара Андрея Ивановича Крона, уличенного в том, что он добавлял в изготовленное им пиво кукельван.⁷ В первом номере «Искры» за 1862 год

⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7-ми т. М., 1966. Т. 1. С. 135—138.

⁷ См.: Ямпольский И. Г. Примечания // Курочкин В. С. Собр. стихотворений. [Л.], 1947. С. 545 («Б-ка поэта». Большая сер.).

был опубликован небольшой цикл В. С. Курочкина «Мистерия о пиве и рыболовной ягоде», посвященный этому факту:

Но пивовару пивовар
Умел внушить, что лучше хмеля
Растенья этого отвар
Для пива, портера и эля.

И пивовар, как говорят,
Разбогатеть в стремленьи пылком,
Пустил в продажу этот яд,
Разлив, как пиво, по бутылкам.⁸

Достоевский считал эту тему слишком незначительной, для того чтобы обсуждать ее на страницах серьезных журналов, и именно в таком контексте кукельван упомянут в его статье.

Рядом с кукельваном среди прочих тем «Искры» Достоевский упомянул некоего Сорокина, о котором в примечаниях сказано: «А. Сорокин — владелец книжного магазина в Петербурге, упомянутый в предисловии к альманаху „Зубоскал“» (20, 295). Однако очевидно, что здесь имеется в виду совсем другое лицо: крупный петербургский домовладелец Степан Дмитриевич Воронин, который постоянно фигурировал на страницах «Искры» под пародийным именем Сорокина.⁹ Так, тот же Курочкин в стихотворении «Сон на Новый год» писал:

И счастья всем (...)
Певец желает в Новый год.
Тебе, Сорокин, — чтобы мог ты
От Бугорков до Малой Охты
Скупить дома до одного;
И чтоб от звуков сладкой лиры
Надбавка платы за квартиры
Не тяготила никого.¹⁰

Следует отметить, что в примечаниях к приписываемой Достоевскому статье «Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г-на Панаева и „Нового поэта“», где также упоминается Сорокин, это имя откомментировано совершенно правильно (см.: 27, 135, 405).

5

В текстах писем Достоевского содержится большое количество стихотворных цитат, среди которых идентифицированы не все.

В письме к М. М. Достоевскому от 24 марта 1845 года есть следующее высказывание: «Beranger сказал про нынешних фельетонистов французских, что это бутылка Chambertin в ведре воды. У нас им тоже подражают» (28₁, 107). Последняя фраза — почти буквальная цитата из пушкинского «Графа Нулина»:

⁸ Курочкин В. С. Собр. стихотворений. С. 111.

⁹ См.: Поэты «Искры»: В 2-х т. / Вступ. статьи, сост., подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 2. С. 433 («Б-ка поэта». Большая сер.).

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 85.

«Какой писатель нынче в моде?»
— Все d'Agincourt и Ламартин. —
«У нас им также подражают».
— Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают?
Дай бог, чтоб просветились мы!¹¹

В полной мере ирония Достоевского может быть понятна только в контексте этой цитаты.

В письме к А. Ф. Благодярову от 19 декабря 1880 года, говоря о критиках «Братьев Карамазовых», Достоевский пишет: «За ту главу „Карамазовых“ (о галлюцинации) (...) меня пробовали уже было обозвать ретроградом и изувером, дописавшимся „до чертиков“. Они наивно воображают, что все так и воскликнут: „Как? Достоевский про черта стал писать? Ах, какой он пошляк, ах, как он неразвит!“ Но, кажется, им не удалось!» (30, 236). Здесь, давая отповедь критикам, Достоевский повторяет строку из баллады А. К. Толстого «Поток-богатырь» (1871):

Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
А они восклицают ехидно:
«Ах, какой он пошляк! ах, как он неразвит!
Современности вовсе не видно!»¹²

В первой же процитированной фразе Достоевский, очевидно, вспоминает эпиграмму Д. Д. Минаева на себя и В. П. Мещерского (1873):

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до «Бесов»,
До чертиков другой договорился.¹³

---

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 7.

¹² Толстой А. К. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1963. Т. 1. С. 313. Курсив автора.

¹³ Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века). Л., 1988. С. 427 («Б-ка поэта». Большая сер.).

Э. ХЕКсельШНЕЙДЕР

ДРЕЗДЕНСКИЕ ГОДЫ ДОСТОЕВСКИХ

О пребывании Достоевских в Дрездене, как ни удивительно, нет специальных исследований.¹ Это тем более странно, что из четырех лет, проведенных Достоевскими за границей (1867—1871), они прожили в городе на Эльбе в общей сложности

---

¹ Единственный, правда популярный, обзор см.: *Hexelschneider E.* «Meine Adresse: Allemagne, Saxe, Dresden à Monsieur Théodore Dostoiewsky, poste restante» // *Sächsische Heimatblätter : Zeitschrift für sächsische Geschichte, Denkmalpflege, Natur und Umwelt.* 1996. Bd 42. Hf. 5. S. 316—321.